

Екатерина Мордвинцева

**Новый год вверх тормашками,
или Долго и счастливо
отменяется**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М79

Мордвинцева Е.

М79 Новый год вверх тормашками, или Долго и счастливо отменяется / Екатерина Мордвинцева. – М.: Литнет, 2026. – 192 с.

ISBN 978-5-524-00416-1

Она мечтала о новогоднем отпуске, а оказалась в ледниковом аду другого мира. Лера – не воин и не маг, а обычная девушка с непокорным характером и здравым смыслом из XXI века. Ее единственное оружие – умение не сдаваться. Чтобы спастись, ей придется вылечить детей сурового графа, предотвратить эпидемию с помощью кипячения воды и развязать политическую войну... рецептом варенья. Ее главная битва – не с мечами, а с чужими традициями и собственной тоской по дому.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-524-00416-1

© Литнет, 2026
© Мордвинцева Е., 2026

Глава 1

Шум большого аэропорта всегда напоминает мне затяжной выдох какого-то механического гиганта. Гул голосов, скрежет колес по плитке, объявления диктора, в которых тонут слова. А еще запахи – кофе, сладкой выпечки и легкой, почти осязаемой тоски ожидания. Сегодня, 24 декабря, все это ощущалось втроене.

Мы сидели в нашем островке спокойствия – кафе за живой изгородью из тощих фикусов, – и кипели не менее бурные страсти, чем на рейсах за стеной.

– Ну так что решать будем? – Маша от нетерпения дергала ногой под столом, выбивая дробь по моим нервам. Ее эспрессо остывал, забытый и одинокий.

Я отхлебнула латте, наслаждаясь его теплом. Атмосфера была правильной – предпраздничный хаос, друзья, смех. Но где-то на дне души копошился маленький, назойливый червячок беспокойства. Я списала его на предновогоднюю суету.

– Я бы с удовольствием дома осталась, – произнесла Крис своим вечно недовольным тоном и поставила чашку с капучино на блюдце с таким звонким чжиньком, будто объявляла минуту молчания.

Я не удержалась. Мой смех, громкий и залиvistый, как по команде, вырвался наружу и заставил пару за соседним столиком обернуться.

– Кто бы сомневался! Тебя вечно никуда не вытащишь.словно у тебя дома ждет не муж-красавец, а диван-обнимашка вселенской мощности.

Ее губы надулись в эту самую обиженную бантик-розочку. Классика.

– Не правда! Просто я ценю уют. А не... эту вот, – она неопределенно махнула рукой в сторону шумящего терминала.

– Девчат, хватит! – Маша нахмурилась, как бульдог, взявший след. Она постучала длинным ногтем по экрану своего телефона, где дата «24 декабря» светилась обвиняюще. – До нового года оста-

лась одна ночь! Если мы не хотим встретить его, жуя оливье перед телевизором в пижамах, надо поторопиться. И так уже вряд ли билеты куда-то найдем, что не может не огорчать.

– Это точно, – Инга вздохнула так глубоко, что это было похоже на пыхтение закипающего чайника. – И так уже неделю думаем. Результат – ноль. Я начинаю верить в теорию заговора туроператоров.

Маша обвела нас взглядом полководца, ведущего войско в последний и решительный бой.

– У кого какие предложения?

– Я на море хочу, к солнышку, – Женька закатила глаза так, будто уже видела перед собой пальмы. – Чтобы теплынь, море, коктейль с зонтиком...

– Размечталась! – Инга фыркнула, но уже листала что-то в телефоне. – Так... Спешу вас огорчить: максимум, куда нам светит, так это только на какую-нибудь базу отдыха в Подмосковье с бассейном из арматуры. Что совсем не радует.

Я поправила свои непослушные рыжие локоны, которые так и норовили выбиться из хвоста.

– Не хочу я на базу отдыха! Скучно там, и ни о каком веселье не может быть и речи! Там же скучающие семьи и запах хлорки. Мы что, ради этого собрались?

– О! – Инга оживилась так, будто нашла алмаз в куче навоза. – Есть! Горящий тур! Последние три места. Вылет... сегодня ночью, в 01:30. И это отличная возможность сорвать куш!

– И куда? – Крис отодвинулась, давая официанту поставить перед ней салат. Аромат еды на секунду отвлек всех, кроме Инги, уткнувшейся в экран.

– Так куда? – Кристина повертела вилку, глядя на подругу.

– Потом сюрприз будет, – Инга подмигнула, и в ее глазах заплясали чертенята. – Цена просто смешная. Прямо «забрать и забыть».

– Нет-нет-нет! – Крис замотала головой. – Как минимум я должна знать, что с собой брать. Платица или пуховики?

Я не выдержала и снова рассмеялась.

– Трусики, бусики и денег побольше. Остальное – на месте докупим. Если, конечно, Инга везет нас не на Северный полюс.

– Ну я серьезно! – губы Крис снова сложились в обиженный бантик.

– Да ладно тебе, не кисни, – Инга наконец склонилась к нам и понизила голос до конспиративного шепота. – Маленький курортный городок на Красном море. Солнце, тепло, отель «три звезды» с полупансионом. Ну что, все согласны?

В глазах Маши вспыхнули огоньки, Женька уже мысленно намазывалась кремом от загара. Я почувствовала, как тот самый червячок беспокойства шевельнулся.

– Согласны или нет, возражения не принимаются! – провозгласила Маша и подняла чашку с остывшим чаем. – Празднуем новый год под яркими лучами чужого, но такого гостеприимного солнца! За новогоднее приключение!

– За лучший новый год! – Мы чокнулись чашками, и звук этот прозвучал слишком звонко, почти звеняще.

Я отпила латте и на секунду задержала взгляд на огромном темном окне. За ним, в ночи, медленно ползла, мигая огнями, какая-то машина. По спине пробежал холодок. Не предчувствие. Просто сквозняк. Наверняка сквозняк. Я отмахнулась от этой мысли и улыбнулась подругам. Приключение начинается.

Через несколько часов мы стояли в ярко освещенном зале вылета. Предпраздничная суматоха била через край. Я прислонилась к холодной колонне, наблюдая, как Маша пытается через видеозвонок поддержать Ингу. Та осталась в городе – работа, срочные документы, гад-босс.

Классика.

– Я не понимаю, почему нельзя было дать тебе эти чертовы бумажки раньше? – возмущалась Маша, держа телефон так, чтобы в кадр попадали мы и часть хаоса вокруг.

Я поймала себя на мысли, что смотрю на экран с бегущей строкой рейсов. Наш номер еще не светился. Почему-то это казалось дурным знаком.

Голос Инги из телефона звучал устало:

– Да гад он просто, точка! Мне уже кажется, что он специально это сделал, чтобы праздник мне испортить. Из вредности, как песок в ботинок.

– Вот-вот! Я бы на твоём месте ему тоже настроение подпортила, – попыталась шутить Варя, но шутка вышла плоской.

Я обернулась, ища в толпе остальных. Женька, Даша... А где Крис и Ольга? Тревога, тихая и настойчивая, начала подползать к горлу.

– Кстати, а где остальные? – спросила Инга, словно прочитав мои мысли.

– У вас же скоро посадка!

Маша, нахмурившись, набрала номер Кристины. Длинные гудки. Тишина. В воздухе повисло что-то неприятное, липкое.

– Ты чего такая? – Женя поставила свой розовый чемодан. – Будто пыльным мешком тебя огрели.

– Кристинка не отвечает, – голос Маши стал жестким, деловым. Она уже набирала Олю.

Мое сердце почему-то забилося чаще. Я достала телефон, будто могла помочь этим. Гудки казались бесконечными.

– Ну наконец-то! Не дозвонишься вам. Вы где? Скоро вылет! – Услышав ответ, я почувствовала, как земля слегка уходит из-под ног. Я побледнела, я это знала, потому что пальцы, сжимавшие телефон, стали ледяными. – Поняла...

Сбросив вызов, я посмотрела на подруг.

– Девчонки в аварию попали. Кристина с сотрясением, в больнице, Оля отделалась ушибами. Сказали, чтобы мы летели без них.

– Но как же? Надо к ним! – Это был порыв, инстинктивный и бесполезный. Я уже потянулась за рюкзаком.

– Они в порядке, ты все равно ничем не поможешь сейчас! – Маша перебила меня, и в ее голосе зазвучала сталь. Где-то объявили начало нашей посадки. – Идемте на регистрацию! Все остальное – потом.

Это было не по-человечески. Холодно и жестоко. Но я, стиснув зубы, потянула чемодан к стойке. Ощущение, что мир начинает медленно, но верно разъезжаться по швам, не покидало меня.

Потом была Даша. Бледная, как мел, у стойки. «Обокрали. Паспорт...» Маша рванулась к ней, но сотрудница аэропорта отсекала ее, как бетонная стена.

«Проходите, не задерживайте».

Мы прошли. Оглядываясь. С чувством, похожим на предательство. Дашино лицо, маленькое и потерянное, осталось там, за стеклом, в другом мире, куда нам уже не было пути.

В салоне самолета было тихо, несмотря на гул двигателей. Мы молчали. Даша так и не появилась. Стюардессы показывали, как надевать спасательный жилет. Ирония судьбы была бы смешной, если бы не была такой горькой.

– Девушка, – услышала я голос Жени, – с нами должна была лететь еще одна подруга...

Ответ стюардессы был вежливым, гладким и совершенно бесчеловечным: «Она сможет вылететь другим рейсом, не переживайте».

Когда шасси с глухим стуком убрались, и земля окончательно уплыла из-под крыла, Маша прошипела в темноту иллюминатора:

– Одну работа загубила, двое в аварию попали, третью обокрали... В итоге втроем летим. Как будто это какая-то чертова шутка.

– Н-да... – я откинулась на сиденье, закрывая глаза. – Встретили новый год...

Самолет вошел в плотные облака. Вид исчез. Осталась только ровная, монотонная вибрация, укачивающая, как колыбельная перед бурей. Я не знала тогда, что это не конец нашей истории. Это было только предисловие. Предисловие к падению. А самое страшное – и самое нелепое – было еще впереди.

Глава 2

Дремота была тяжелой и липкой, как сироп. Я проваливалась в нее, укачиваемая монотонным гулом двигателей – звуком, который за несколько часов стал фоном, почти частью моего собственного тела. Я пыталась заглушить щемящее чувство, похожее на вину. Вину за то, что мы здесь, а они – там. Инга с ее бессрочными документами, Даша с пустыми карманами у стойки регистрации, Крис и Оля в холодном свете мигалок «скорой». Мы летели вразнобой, словно стая, которую шквальный ветер разметал по разным углам неба. Самолет должен был быть местом побега, предвкушения, но вместо этого он стал капсулой, вырывающей нас из общей реальности и уносящей куда-то в одиночество. Моя попытка списать все на совпадения и мелкие неудачи трещала по швам. Слишком много совпадений подряд. Слишком.

Женя уже спала, уткнувшись в подушку у окна, ее дыхание было ровным и безмятежным. Маша, напротив, не смыкала глаз. Она что-то неотрывно читала на планшете, ее лицо в темноте салона освещалось холодным, мертвенным синим светом экрана. Этот свет выхватывал резкие тени под ее глазами, делая выражение жестким, почти чужим. Она не читала, а впивалась в буквы, пытаясь зацепиться за что-то привычное, за доказательство, что мир еще подчиняется законам логики – расписаниям, инструкциям, правилам. Я понимала ее. Я сама так делала, когда было страшно.

Именно в этот момент, когда мое сознание балансировало на грани сна и тревожной ясности, самолет дернулся.

Не резко. Не как удар. Скорее, это было похоже на то, как большая, тяжело груженная машина на полном ходу наезжает на неожиданный, скрытый под снегом лежащий полицейский. Глухой, утробный бум где-то внизу, под ногами. Едва заметное, но неприятное чувство провала в животе, будто на американских горках, только безо всякого веселья.

Я открыла глаза. Гул двигателей не изменился. Он оставался все тем же монотонным фоном. Но что-то было не так. Это было не в ушах, а в костях. В вибрации кресла подо мной. Бархатный, привычный рев за бортом словно провалился на тон ниже, обрел какую-то новую, гудящую, нездоровую глубину. Воздух в салоне стал другим – не спертым, а... густым. Тягучим.

Как будто его стало больше на кубический сантиметр, и каждый вдох требовал чуть больше усилий.

Маша оторвалась от планшета, насторожившись, как зверь, уловивший первый, едва слышный треск ветки в лесу. Женя проснулась, моргнула, потянулась к стеклу, за которым кроме собственного отражения и тьмы ничего не было видно.

– Что это было? – пробормотала она, голос хриплый от сна. – Приземляемся?

– Турбулентность, – автоматически ответила я, и фраза прозвучала настолько идиотски и необедительно, что мне самой захотелось засмеяться. Или закричать. Турбулентность не пахнет. А я вдруг отчетливо почувствовала запах. Нет, не запах – предчувствие запаха. Острый, металлический привкус страха на языке, как будто лизнула батарейку.

И тогда погас свет.

Не мигнув, не потускнев. Он просто исчез. Основное освещение салона умерло мгновенно, сдавшись без боя. На смену ему пришло другое – аварийная подсветка вдоль прохода и под потолком. Она залила пространство призрачным, неземным синим сиянием. Этот свет не освещал, он искажал. Он выхватывал из темноты куски лиц, руки, вцепившиеся в подлокотники, широко открытые глаза, и делал их чужими, слегка гротескными, как в плохом фильме ужасов. Резкие, прыгающие тени превращали знакомый салон в лабиринт из темных углов и внезапных провалов.

Тихий, сдавленный коллективный вздох пронесся по рядам – звук сотни легких, одновременно сжавшихся от непонимания. Кто-то

нервно, истерично рассмеялся где-то сзади. Смех оборвался, не встретив поддержки, и повис в густом воздухе, жуткий и неуместный.

– Дамы и господа, это говорит ваш командир экипажа... – начал было голос из динамиков, привычный, профессионально-спокойный. Он был нашей последней ниточкой к нормальности. Но оборвался на полуслове. Резкий, пронзительный щелчок, похожий на звук переломившейся кости, раздался где-то в системе. И за ним – не голос.

На смену ему пришел вой.

Нарастающий, оглушительный, всепоглощающий вой ветра, врывающегося куда-то с такой бешеной скоростью, что казалось, он сейчас сорвет обшивку. Это был звук разрыва, звук того, как что-то большое и прочное ломается. И он шел не только снаружи. Он шел изнутри – из динамиков, из вентиляции, из самых стен.

Давление.

Это было первое, что ударило по сознанию настоящим, физическим ударом. Не боль, а именно давление. Будто невидимый гигантский пресс, холодный и безжалостный, мягко, но неумолимо вдавил меня в кресло. Ребра сжались, грудь будто заковали в ледяной панцирь. Я попыталась вдохнуть, но воздух отказался входить. Он был тут, он давил на меня со всех сторон, но в легкие не поступал. Я судорожно, по-собачьи, рванула его носом, и он ворвался обжигающе холодным, разреженным. Уши заложило с такой силой, что в висках застучала кровь – глухие, тяжелые удары, совпадающие с бешеным ритмом сердца. Звуки мира ушли, уступив место этому внутреннему гулу – гулу собственной паники, запертой в черепной коробке.

– Лера... – услышала я голос Маши, но он донесся будто через толщу воды, из другого измерения. Я повернула голову. Это движение потребовало невероятных усилий, будто я пыталась сдвинуть с места бетонную плиту. Ее лицо в синем свете было искажено. Это была не просто гримаса ужаса. Это было полное, абсолютное исчезновение всего, что было в ней знакомого – решимости,